

Антон Борисов — истинный, человек — такой как все, только лучше: добрее, умнее, чувствительнее, чаще и сильнее! Особо приятно отметить, ведь он тот, кто знает, что счастье — это быть.

Честная автобиография человека, которому в 3 месяца поставили смертельный диагноз — неслыханный успех человека, который до сих пор жив.

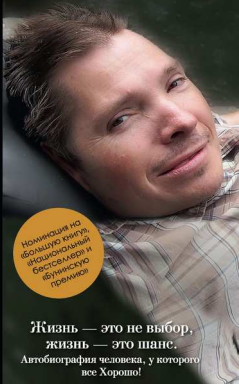
«Можно было бы сказать, такого на русском языке еще не писали никто, но это прозвучит до неприличия высоко на фоне того, что написал Антон. Поэтому — просто читайте. А потом расскажите всем, чтобы прочитали и они. Потому — надеюсь, поймут».

Олег Кашин

«Книга Антона Борисова нужна людям, которым тяжело сохранять свое здоровье и которая судьба защитит от жизненных невзгод. Ведь — если живешь, надо просто жить».

Чулпан Хаматова

А Н Т О Н
БОРИСОВ
КАНДИДАТ
НА
ВЫБРАКОВКУ

Инициатива на
фонде мира
информации
системной и
этимологической

**Жизнь — это не выбор,
жизнь — это шанс.**
Автобиография человека, у которого
все Хорошо!

Антон Борисов

Кандидат на выбраковку

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8321177
Кандидат на выбраковку: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-087074-5

Аннотация

Быть «не таким, как все» мечтают многие.

Антон Борисов – «стеклянный человек» – такой как все, только лучше: добрее, умнее, чувствительнее, ярче и счастливее! Особенно счастливее, ведь он тот, кто знает, что счастье – это быть. И быть тем, кем хочешь.

«Кандидат на выбраковку» – честная автобиография человека, которому в 5 месяцев поставили диагноз несовершенный остеогенез. Человека, который, несмотря на хрупкие кости, обладает железной волей к жизни.

«Книга Антона Борисова нужна людям, которым повезло сохранить свое здоровье и которых судьба защитила от житейских невзгод. Нужна, чтобы они научились адекватно оценивать всю хрупкость нашей жизни, обрели милосердие и обратили внимание на тех, кто нуждается в их помощи и поддержке. Эта книга нужна и тем, кому не повезло, кто ежедневно ждет спасительную инъекцию, кто чувствует себя брошенным и забытым. Нужна, чтобы каждый прикованный к больничной кушетке понял – нельзя терять веру в себя, даже услышав самые жуткие прогнозы врачей. А еще книга Антона – это страшный документ той эпохи, в которой мы жили и еще, к сожалению, живем. И я очень надеюсь, что нам посчастливится дожить до тех дней, когда у каждого человека, невзирая на диагнозы, появится шанс жить.

Ведь – „если живешь, надо просто жить“»

Чулпан Хаматова,

актриса, учредитель благотворительного фонда «Подари жизнь»

Содержание

Человек настоящий	4
Предисловие к первому изданию	6
Предисловие ко второму изданию	7
Life is not a choice. Life is a chance [1]	8
Пролог	9
Воспоминание первое	11
Osteogenesis imperfecta	11
Пulsь сознания	15
Саратовские страдания	20
Жизненное пространство	24
Незванный гость	26
У бабушки	31
Мамины нервы	33
Ни грузчиком, ни математиком...	35
Уклонист	37
Десятый класс	39
Сергей	42
Выпускной бал	43
Воспоминание второе	45
Что делать?	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Антон Борисов

Кандидат на выбраковку

Человек настоящий

У Алексея Маресьева не было ног. Он научился ходить на протезах, танцевать и даже управлять самолетом. У Антона Борисова ноги есть, но он не может танцевать и ходить. Впрочем, стоять он тоже не может. И даже сидеть. Ему можно только лежать на жесткой поверхности. всю жизнь, все 42 года. Есть такая болезнь – несовершенный остеогенез. Малейшее неосторожное движение ведет к перелому. Первый раз он сломал ногу в 5 месяцев, а потом... Кто их считал, эти сотни переломов? На Западе с этой редкой и неизлечимой болезнью борются, тренируя мышцы, чтобы они корсетом охватывали слабые кости. Впрочем, это на Западе. В Советском же Союзе, где жила семья Борисовых, родители Антона отдали его, пятилетнего, в больницу, где ребенка привязали крепко-накрепко к кровати, чтобы не вставал и ничего себе не сломал. Он и не встал больше с кровати. Просто не смог.

В больнице, а точнее в детском костно-туберкулезном санатории в Астрахани, Антон прожил до совершеннолетия. Там же, в больнице, мальчик учился, окончил школу-десятилетку. Антон учился старательно. Одна беда – писать было очень трудно. Переломанные во многих местах, искривленные руки с трудом могли держать карандаш. Все приходилось воспринимать на слух, запоминать. Вот так и жил мальчик в детском туберкулезном санатории. Его там не лечили, зато учили. После школы поступил на заочное отделение Астраханского пединститута, но тут пришла новая беда – отказали руки. Начались немотивированные переломы – от взятой в руку ложки или ручки. Поняв, что вскоре он не сможет даже перевернуть книжную страницу, Антон смог добиться направления в Москву, в ЦИТО. Там сделали операцию, вставили в кости рук металлические штифты, а через два года вернули обратно в Астрахань.

Дорога таким, как он, была одна – в дом-интернат для инвалидов и престарелых. Такое чувство, вспоминал он потом, что тебя положили в гроб и закрыли крышку. Ни одного близкого человека рядом.

Изменения в жизни произошли неожиданно. Журналист городской молодежи Владимир Пигарёв пришел в интернат, чтобы сделать репортаж о его обитателях. Обошел здание, поговорил со стариками и уже собирался уходить, как у двери бабушка-вахтерша спросила его: «Ты был на третьем этаже? Там у нас мальчик живет, который в институте учится». В палате у Антона Володя просидел до полуночи. А уже на следующий день после выхода статьи к необычному студенту начали приходиться гости. Появились друзья, и, что не менее важно, появилась работа. Антон стал консультантом телефонной службы психологической помощи. Затем стал подрабатывать в газете, писать информационные колонки, брать интервью, благо его к этому времени перевели в отдельную палату и поставили туда телефон. Случай, конечно, неслыханный, но ведь и человек необычный. Новые друзья помогли Антону «пробить» квартиру. Он, правда, не мог из нее выходить самостоятельно, зато туда можно было поставить компьютер. Он освоил его, после чего стал работать еще и в двух компьютерных фирмах одновременно. В 1994 году его выбрали человеком года по номинации «Молодежная политика» в Астрахани. На полученную премию в миллион «старых» рублей Антон обновил свой компьютер.

А вскоре он с друзьями сделал еще одно важное дело: интернет-сайт SOS.RU – место во Всемирной сети, где одни люди ищут помощь, а другие бескорыстно предлагают ее.

Вот только передвигаться Антон не мог. Спонсоры оплатили ему поездку в Германию и изготовление специальной кровати, но, к сожалению, немецкая коляска оказалась на удивление неудобной, а вскоре и вовсе сломалась. Через некоторое время новую кровать заказали в США. Антон поехал на примерку и неожиданно для себя остался в Америке. Живет он в Портленде, штат Орегон, уже восемь лет и больше всего переживает из-за того, что не может найти себе постоянную работу. Впрочем, без дела не сидит. Продолжает управлять из-за океана сайтом SOS.RU, в ожидании оплачиваемого места пока работает волонтером, то есть бесплатно. Учит работе на компьютере эмигрантов. Вначале работал только с приезжими из СНГ, затем, когда отшлифовал свой английский, и с остальными. В США сейчас трудно найти работу даже здоровому американцу, что уж говорить об эмигранте-инвалиде чуть больше метра ростом, прикованном к своей кровати.

Девиз свой Антон впервые сформулировал почему-то на английском и только потом проговорил по-русски: «Life is not a choice. Life is a chance» – «Жизнь – это не выбор. Жизнь – это шанс».

Подвиг Алексея Маресьева не в том, что он дополз до своих. И даже не в том, что заново научился ходить, танцевать «барыню», управлять самолетом. Подвиг его в том, что он предпочел продолжать жить так, как жил раньше. У него был выбор – стать инвалидом на тележке, с пенсией, которой хватало бы на ежедневную поллитру, или остаться летчиком. Первое – проще, второе – достойнее. У Антона Борисова такого выбора не было. Советская власть предоставила ему убогое угасание в палате дурдома. Новая российская власть предложила ему в общем то же самое, только в отдельной квартире, из которой он не мог выйти самостоятельно. В отличие от Маресьева Антон не знал, как это – быть здоровым и сильным: он никогда не умел танцевать, управлять самолетом или автомобилем. Даже на трехколесном велосипеде поехать не успел. Антон Борисов не хотел совершать подвиг. Он просто жил и живет. Потому, что не может иначе.

Михаил Гохман

«Московские новости» № 46 за 2002 год

Предисловие к первому изданию

Я благодарю всех, кто так или иначе, в основном мысленно, был рядом в те беспокойные для меня дни, когда я начал вывешивать отдельные главы книги в Интернете. Говорю «Спасибо!» всем моим невидимым друзьям, чьи бесценные слова поддержки и доброжелательной критики на страницах моего сетевого журнала давали мне силы продолжать работу и не падать духом. Я скажу банальность: но без вашего морального ободрения у меня просто опустились бы руки. Потому что даже сейчас у меня нет уверенности, что мои «приключения» будут кому-то интересны.

Отдельная и особая благодарность моя – Вадиму Дымову, талантливому, успешному бизнесмену и просто смелому, бескорыстному человеку, решившемуся издать книгу никому неизвестного «писателя» в авторской редакции. Что вообще-то неправильно с позиции бизнесмена, но, подозреваю, принимая решение относительно моей книги, предприниматель Дымов руководствовался мотивами абсолютно не экономического характера. А это достойно, как минимум – аплодисментов со стороны моих друзей, сочувствующих читателей и моего глубокого искреннего поклона признательности.

И конечно же, я просто не вправе обойти молчанием человека, взвалившего на себя всю тяжесть по изданию и продвижению моей книги и в ходе работы ставшего моим другом. Это Евгений Кульков, главный редактор одного из московских издательств, вызвавшийся быть повивальной бабкой рождавшегося автора и сполна испытавший на себе все «прелести» моего упертого характера.

*Спасибо вам всем. Антон.
Ноябрь 2007 года.*

Предисловие ко второму изданию

По правде сказать, я не рассчитывал на второе издание, поскольку тот факт, что состоялось первое, – мною до сих пор воспринимается с недоверчивым удивлением. Но издательство АСТ в лице Ильи Алексеевича Анискина, решилось на этот шаг и, что самое для меня приятное, согласилось не привлекать к работе с текстом профессиональных редакторов и непрофессиональных тоже. Так что текст выходит таким, каким и был написан автором. За что я безмерно благодарен издательству. И, пользуясь случаем, хочу коротко упомянуть о двух вещах.

Первое. После того как в 2008 году повесть «Кандидат на выбраковку» впервые вышла в свет и попала в руки читателей, прошло без малого шесть лет, но до сих пор я получаю письма, в которых незнакомые люди благодарят меня за мой оптимистичный взгляд на жизнь, умение не сдаваться в самых отчаянных ситуациях, за психологическую поддержку, которую получили они, прочитав мои непростые воспоминания. (Мне предлагали включить хоть какую-то часть из них во второе издание, но я отказался, потому что писавшие не рассчитывали на такое откровенно рекламное использование их пронзительных, искренних и очень эмоциональных реплик.) Я благодарен всем за эти письма и записки в моем блоге. Поверьте, для меня самая большая награда – это осознавать с вашей помощью, что я не паразитирую на собственной жизни, а сам по мере возможностей создаю ее и через рассказанную историю своей жизни помогаю другим обрести уверенность в себе, и тем самым я возвращаю долги всем, кто помогал мне когда-то и помогает теперь. Я немного горжусь, что усилия этих людей оказались не напрасными и часто думаю, что все мы живем и что-то совершаем только благодаря тому, что помогаем друг другу. Даже в безнадежных ситуациях.

И второе. 18 августа 2012 года умер астраханский профессор Николай Петрович Демичев, замечательный человек, блестящий клиницист, с которым у меня, к сожалению, не сложились отношения. Узнав об этом трагическом событии, я хотел убрать из текста книги резкость, с которой вспоминаю некоторые эпизоды моего с ним общения. Но, поразмыслив, решил оставить все как есть. Потому что иначе будет нечестно. Тем более что один субъективный взгляд одного неоперабельного больного нисколько не умаляет заслуг профессора перед медициной и не наносит никакого ущерба его репутации – репутации Врача, сумевшего за свою жизнь поставить на ноги сотни своих пациентов. Просто так у нас с ним получилось. Бывает.

А. Борисов. Апрель, 2014 г.

Life is not a choice. Life is a chance ¹

Мама, я говорю «Спасибо» тебе, отцу, сестренке, бабушкам и дедушке. Я помню вас и никогда не смогу забыть. Вот только минувшее порой отзывается невыразимой горечью и фантомной болью в ночи, поэтому мои оценки ваших действий и поступков иногда будут резки, воспоминания тяжелы, но так я воспринимал тогда все, происходившее с нами. Я благодарю и благословляю вас всех за терпение, честно выполненный родительский и родственный долг. Ведь вы могли просто отказаться от меня и сдать в приют. Вряд ли тогда мне удалось бы увидеть мир, узнать, что такое дружба, пообщаться с массой прекрасных людей, почувствовать себя микроскопической частичкой цивилизации и написать эти строки. Болезнь, неумолимая и неизлечимая, разлучила нас. Вы боролись с моим недугом и одновременно со своим отчаянием, бытовыми и личными проблемами, равнодушием чиновников и врачей. Боролись, пока у вас хватало сил. Вы люди, и возможности ваши не беспредельны. Мне было неведомо, что творилось в ваших душах, как раскалывался ваш внутренний мир и умирали надежды на будущее, поэтому я заранее прошу прощения, если по неведению покажусь категоричным или несправедливым в оценках. Я еще не до конца осмыслил происшедшее со мной, но в одном убежден абсолютно – стыдиться ни тебе, мама, ни всем остальным нечего. Да благословит вас всех Господь!

Твой сын, Антон.

¹ Жизнь – это не выбор. Жизнь – это шанс (англ.).

Пролог 13 сентября 1999 года

*Посвящаю тем, кто выбирает Жизнь и все, что к ней
прилагается.*

*«Если живешь, значит нужно просто жить.
А в остальном – все зависит от тебя самого.
Ведь это твоя жизнь».*

Случайный Ангел в белом халате

Я летел...

«Я летел» – привычное словосочетание, рожденное рядовым для миллионов людей событием. Для миллионов, но не для меня. Со мной все обстоит по-другому и банальные фразы, подобные этой, всегда оказываются переполненными массой неожиданных, но чаще всего неприятных ощущений.

Итак, «я летел» – перемещался в пространстве посредством самолета «Аэрофлота» по маршруту «Москва-Сиэтл». Все одиннадцать часов полета я намеревался притворяться спящим. Хотя никогда не могу уснуть ни в дороге, ни в гостях. Вот и этот полет в Америку обещал мне изматывающую многочасовую бессонницу.

Я лежал в своей коляске, крепко прикрученный к ней ремнями безопасности. Лежал, закрыв глаза, слушал равномерный ватный гул двигателей и представлял, как через некоторое время встречу с друзьями – Пашей и Лидой, с которыми не виделся уже семь лет. Я прикидывал, что будет нужно сделать в первую очередь, после возвращения домой. Придется вновь искать работу, потому что вряд ли за те два месяца, что я проведу в Штатах, за мной сохранится рабочее место. Точнее, не одно, а три, поскольку я умудрялся работать сразу в нескольких организациях, годами не вылезая из своей однокомнатной квартиры. Я пытался придумать, какие, хотя бы маленькие, подарки и кому я должен привезти из этой поездки за океан.

– Вам что-нибудь нужно?

Вопрос прозвучал неожиданно: я летел один и настроился на полную самоизоляцию. Было немного тревожно, и желание общаться с кем-либо отсутствовало напрочь.

Еще при посадке, когда друзья занесли коляску со мной в самолет и укрепили ее между перегородкой и креслами, меня спросили о сопровождающих. Узнав, что я лечу один, старшая стюардесса на мгновение опешила и наградила меня недоуменным взглядом, в котором явственно прочитывалось: «А как же вы будете если?...»

– Не переживайте, все будет нормально. Мне ничего не понадобится, и я вас не побеспокою, но, – я изобразил бодренькую улыбку. – Вы только помогите мне, пожалуйста, по прибытии в Сиэтл. В аэропорту меня должны встречать друзья. Мне бы их только найти...

– Конечно, вам обязательно помогут.

Она казалась вежливой и предупредительной, но в широко распахнутых глазах отсвечивало охватившее стюардессу смятение. Девушка не понимала, как это так, со мной нет сопровождающих? А вдруг «что-то»? Что тогда со мной делать? С какого боку подступиться? Как может человек в таком беспомощном состоянии путешествовать один? Да что там путешествовать? Как он ТАКОЙ, вообще, жить-то может?

Всматриваясь в растерянное лицо бортпроводницы, я сам начал теряться: а вдруг «Аэрофлот» ввел какие-нибудь новые, неизвестные мне правила относительно перевозки «нестандартных людей», и меня в последний момент ссадят и уже не впустят в самолет без

сопровождающего, который моим сценарием не предусматривался? Я, как мог, успокаивал и себя, и стюардессу, вкладывая в свой голос максимум уверенности, беззаботности и нахальства, на которые в тот момент был способен. В конце концов, я не представляю никакой опасности для окружающих, не являюсь животным. Билет куплен мной вполне законно, на деньги, собранные моими друзьями – близкими и незнакомыми, узнавшими о моих проблемах через форум партии «Яблоко». Я имею право путешествовать самостоятельно. Устроившись в салоне, я закрыл глаза. Пусть думают, что я безмятежно сплю и, следовательно, ни в чем не нуждаюсь. Однако персонал авиалайнера так не считал.

– Вам что-нибудь нужно? – вопрос прозвучал вторично, и я решил, что, пожалуй, следует «проснуться».

Рядом стояла девушка в голубой униформе. Она улыбалась, а в глазах – то же самое тревожное недоумение. Окажись мы в иной обстановке, я бы не упустил возможности пообщаться подольше, однако вокруг сидели пассажиры и смотрели, смотрели... Любопытные взгляды некоторых я ощущал даже сквозь свой «очень глубокий сон».

– Нет, спасибо! Все нормально.

– Хорошо! Если что-то потребуется, позвоните меня. Я все время буду здесь неподалеку.

– Спасибо.

Она пошла дальше, унося свое вежливое испуганное лицо. Здесь, как и повсюду, от меня не ждали ничего, кроме неприятностей и проблем. Я не убедил стюардесс. Впрочем, у меня и не было такой задачи. Я не собирался никому объяснять, что, готовясь к полету, не ел уже более двадцати четырех часов и не пил часов восемь, не меньше. Потому как знал: если в полете у меня возникнет потребность облегчить организм, то помочь в этом деликатном вопросе никто не сможет. А даже и окажись рядом друг, что это изменит? Ну не станем же мы устраивать физиологическое шоу на глазах у ошарашенных пассажиров? А тащить в самолетную уборную мою неуклюжую коляску – вариант совсем скверный – задействовать придется весь салон. Так что оставалось только уповать на воздержание, причем во всех его формах. Я уже, правда, немного созрел для туалета и сильно хотел пить, но полет длится всего одиннадцать часов, ну еще плюс часа полтора-два на взлет и посадку. Нужно просто немного подождать и потерпеть. Я умею и то и другое. Времени и возможностей научиться этому, у меня было предостаточно. В общем, все шло нормально.

Я вновь закрыл глаза. Хотелось со смыслом провести эти неизбежные часы пребывания в самолете. Читать я не мог, во-первых, у меня ничего подходящего не оказалось. Я летел один, а потому взял только самое необходимое. Я даже отказался захватить посылки для Паши и Лиды. А во-вторых, в моей коляске не то, что читать, просто лежать было неудобно. Мне оставалось только одно – вспоминать и размышлять.

Для этого сейчас был самый подходящий момент.

Странно у меня все сложилось. По прогнозам врачей я должен был умереть много лет назад. Не умер. Что-то не сработало.

Обреченный на неподвижность, на вечную зависимость от кого-то, на скуку и одинокое беспомощное умирание в каком-нибудь забытом Богом и государством доме призрения я, тем не менее, сам, без сопровождающих, летел на высоте десяти тысяч метров через океан к друзьям, живущим на другом континенте...

Опять что-то «не сработало»? Или наоборот, сработало «вопреки»? А для чего?

Было о чем поразмыслить.

И пока я перемещался в пространстве, память унесла меня в прошлое...

Воспоминание первое Постижение

Osteogenesis imperfecta

Родился я в 1965 году во Владивостоке, и города этого, и того периода своей жизни не помню совсем. Мой папа был моряком – китобоем, и в момент моего появления на свет находился за тысячи миль от дома.

Он очень ждал сына. Когда ему там, на корабле, сообщили о моем рождении, то радости его не было предела, и, надо полагать, не было предела горячительным возлияниям. Как же иначе? Наследник родился! Если бы он только знал, что это за «наследник» и что произойдет дальше.

Проблемы начались через несколько месяцев. Мама заворачивала меня в пеленки и вдруг слышала истошный крик. Орал я сильно, и что самое странное, не переставая. После того как меня отвезли в больницу, выяснилось: сломана ножка.

Там же, в больнице, был поставлен диагноз – *osteogenesis imperfecta*, так это красиво звучит по-латыни, а по-русски – «несовершенный остеогенез», «несовершенное костеобразование».

Мой первый перелом – мой первый диагноз. Он же приговор, из которого следовало, что я перестану расти, а мои кости станут ломаться от малейшего резкого движения, малейшей нагрузки. Ломаться будет все: ноги, руки, ребра. Переломы станут исчисляться десятками, сотнями... Они станут моими пожизненными спутниками. Они продолжают и сейчас. Я уже как бы не обращаю внимания на них. В момент перелома – очень больно. Потом надо некоторое время лежать. Тихо, как испуганная мышка. Не шевелиться или шевелиться очень осторожно.

Вообще, это немного несправедливо: темперамент, данный мне с рождения, был облачен в такую хрупкую оболочку! Большая часть моих переломов – это переломы, произошедшие по моей собственной «вине». В моменты радости я часто совершаю движения, которые мне категорически противопоказаны. Да и не только в моменты радости. Оказалось, что ребенок с такими «хрустальными» костями не мог вести себя спокойно в принципе. Даже когда он лежал замурованный в гипс по самую шею.

Мои родные долгое время жили надеждой. Мама лежала со мной в больницах, бабушка таскала меня по городам и весям Советского Союза, едва слышав, что где-то чудотворит очередной кудесник-лекарь с неизвестным доселе лекарством или методом лечения. Так в 1967 году я побывал в Ташкенте, в клинике профессора Шакирова. Он был первым, кто в свое время описал препарат «мумие» и начал его клиническое применение. Лечение оказалось очень дорогим, но мои родные тогда были готовы пойти на все.

* * *

Бабушку – маму моего папы – звали Елена Антоновна. Ее отец, мой прадед, был «чистопородный немец», как о нем говорила сама бабушка – Отто Шпунк. Еще в девятнадцатом веке он иммигрировал из Германии в царскую Россию в поисках лучшей жизни. Герр Шпунк хотел обеспечить безбедное существование себе и своей большой семье, которую планировал создать на российском Дальнем Востоке. Здесь прадед встретил свою любовь, православную девушку Екатерину. Они поженились, а немного позже решивший оконча-

тельно «обрусеть» германец принял православие. Таким образом «чистопородный немец» Отто стал русским Антоном. Первая их дочь родилась еще до того, как он крестился. Ее назвали Валентиной, Валентиной Оттовной. Вторую дочь назвали Еленой, Еленой Антоновной. Так что, родные сестры, имея одних родителей, носили тем не менее разные отчества.

В семье Шпунков рождались еще дети, но выжили только бабушка, ее сестра и мальчик Геннадий. О своем брате бабушка рассказывала очень неохотно, ограничиваясь буквально одной фразой: «Ушел на фронт и сгинул где-то, в самом начале той страшной войны».

Моя милая, любимая бабушка Елена Антоновна, именно она взвалила на себя всю тяжесть забот о больном внуке, когда родители приняли как неизбежное, что лечить мою болезнь невозможно. Понимание этого приходило долго. С появлением очередной газетной статьи о новом «чудодейственном» лекарстве, рождалась новая надежда, с ней являлись бессонные ночи, затем неизбежно наступало разочарование. А я продолжал «ломаться».

* * *

Дедушка мой, мамин папа Андрей Аврамович, жил тогда в Астрахани. Родные надеялись, что смена климата сможет улучшить мое состояние. Да и дедушка тянул всех к себе. И мы из влажного Приморья переехали в засушливые и ветреные приволжские степи. Точнее мама с папой остались во Владивостоке, а меня привезли в Астрахань, невыносимо жаркий летом и замерзающий зимой город, ставший моей второй родиной.

Я был отправлен под присмотр бабушки Ани – маминой мамы. Медик по образованию, она и присматривать за мной взялась как профессионал. Присмотр заключался в том, чтобы своевременно отслеживать мои переломы. Обнаружив очередной, мгновенно «играли тревогу», поломанную ногу или руку замуровывали в гипс и ждали момента срастания. Потом гипс снимали и заставляли меня двигаться, заставляли не бояться. Я двигался, но боялся. Боялся сильно. Каждый перелом был страшно болезненным. А приведение поломанной части тела в нормальное недеформированное состояние, перед тем как накладывался гипс, оказывалось просто мучительным.

Тогда моя жизнь состояла из долгих периодов, когда я лежал в гипсе по самую шею или сидел, разглядывая скованные жесткими повязками руки, и коротких моментов, когда, играя с другими детьми, я чувствовал себя ребенком. Хотя уже начинал смутно догадываться, что я не такой, как остальные дети. Большинство моих воспоминаний того периода можно обозначить четырьмя словами «я играю в одиночестве». Но есть и очень яркие.

...Вот я сижу и кручу руль детской педальной машины. Ее привез мне отец. Тогда это было детским богатством. Одной рукой держу руль и управляю, а второй толкаю заднее колесо. До педалей я не доставал и передвигался таким вот образом.

...Вот я на улице, во дворе, еду вперед, смотрю по сторонам. Раскаленный асфальт. От него пышет жаром и нечем дышать – это астраханское лето, но я сам – САМ! – передвигаюсь без посторонней помощи.

...А вот – песок в песочнице, я что-то делаю в нем, мама...

...Сидя, ползаю по полу – «путешествую» по квартире...

...Сижу дома на стуле, свесив ноги... упал со стула лицом вниз... очень больно. Пол прямо перед глазами. Я смотрю в него и весь напрягаюсь, ожидая, как меня будут поднимать. Потому что за всеми прикосновениями – боль. Так и есть. очередной перелом ноги, перелом ребра, сломана рука... Гипс. Почти на всем, что только есть у человека. Лежать в гипсе нужно как минимум месяц.

...Помню праздник. Наверное, Первое мая, потому что тепло. Я сижу на дедушкиной шее, стараюсь держаться за его голову крепко, насколько позволяют мои слабые руки. Вер-

хом на бабушке я двигаюсь в большой толпе людей. Вокруг множество флагов и надувных шаров. Это – демонстрация.

...Помню рождение сестренки. Мама рожала ее во Владивостоке. Нам принесли телеграмму с известием, что родилась девочка. Вопрос: «Как назвать?»

– Антончик, ты хочешь, чтобы у тебя была сестренка Вика?

– Нет, не хочу. Викафика...

– А как назвать?

– Таню хочу.

Так ее и назвали.

Немного из событий тех лет сохранила память. Еще – смерть бабы Ани, это впервые коснулось меня. Сначала разговоры на кухне, продолжавшиеся не одну ночь. Потом: «положение тяжелое...», «безнадежное...», «умерла».

Игорь был сыном Эммы Викторовны, которая оказалась рядом с моим дедом Андреем Аврамовичем в те тяжелые для него дни. Позже она стала его женой. Я помню, как Игорь поднял меня вместе со стулом, понес в «зал», как у нас называли гостиную. Игорь очень высокий. Пол где-то далеко внизу. Немного страшно, но я доверяю Игорю – он сильный.

В зале – сумрачно. В середине комнаты стоит «гостевой» стол. Его раскладывают, когда к нам приходят гости и требуется всех рассадить. Я это знаю. Видел два или три раза. Когда кто-то приходит к нам «на огонек», я обычно сижу в спальне и слушаю доносящиеся из зала веселые выкрики, песни, стук вилок и рюмок.

Сейчас в нашей квартире очень тихо, все говорят вполголоса или шепотом. На «гостевом» столе стоит гроб. Игорь подносит меня поближе, и я вижу лицо бабушки, бабы Ани. Оно уже не живое. В гробу лежит она?... Нет, не она. Не живая и не похожая, но моя бабушка. Я плачу, потому что не могу узнать лицо любимой бабушки. Мне страшно.

Не помню, о чем я в тот момент думал и думал ли вообще. Одно помню точно: я увидел Нечто, что не понимал. Почувствовал, как что-то необратимо ушло и больше уже не вернется. Тогда я еще не догадывался, что потерял не только бабушку Аню. Вместе с ней я лишился возможности активно противостоять болезни. Умер человек, который нянчился со мной, заставлял двигаться, благодаря только бабушке я еще держался в форме, мог самостоятельно садиться и даже крутить руль маленького детского автомобиля, что при моем заболевании было большим чудом.

* * *

После смерти бабушки Ани какое-то время, но совсем недолго, я находился под присмотром прабабушки – бабы Мани – мамы бабушки Андрея Аврамовича. Она пребывала уже в очень почтенном возрасте и жаловалась на плохую память. Любила баба Маня меня прямо-таки до умопомрачения. Я был для нее не только внуком, но еще и «напоминателем».

Выглядело это очень забавно. Утром, перед тем, как все уходило на работу, бабе Мане поручали сделать «то-то и то-то». Но все подробности, «что и как» объясняли мне. Она выносила меня на середину зала и укладывала на стол. Я лежал в центре комнаты и говорил, какие дела надо делать, какие еще не сделаны. Баба Маня слушалась меня беспрекословно.

* * *

Шел 1970 год. Мне уже почти пять лет, скоро нужно отдавать меня в школу. Присматривать за мной некому. Мама с папой и крошечной Танюшкой, которой не исполнилось еще и двух месяцев, недавно переехали в Астрахань. Папа устроился на работу и изо всех сил старался обеспечить семью, маму поглотили заботы о моей малютке-сестренке. Бабушка

Аня умерла. Оставалась только старенькая, забывчивая прабабушка Маня, а ей самой требовалась нянька... Родители решили устроить меня в какое-нибудь учреждение, где бы я и находился под присмотром врачей, и мог учиться. Такое вскоре нашлось: Астраханский туберкулезный санаторий имени Войкова.

* * *

Было начало лета. Мама несла меня на руках. Я озирался по сторонам, разглядывая растущие вдоль дороги деревья, серый корпус санатория, бетонные дорожки, пробегающих по территории собак.

Со мной уже все ясно. Я серьезно болен. Мама и папа понимали, что помочь мне ничем не смогут. В той ситуации они приняли жесткое, но правильное решение. Правда, то, что оно правильное, я пойму много позже. А тогда мне было невыразимо грустно от предстоящей разлуки с родными.

Спустя год баба Маня попала в психбольницу, где и умерла. Она не пережила, что у нее отобрали ее обожаемого правнука. Резко начала терять память. Ходила по квартире, что-то пыталась делать, но тут же бросала начатое и принималась звать меня...

Дальневосточную правнучку баба Маня невзлюбила сразу. Маленькая девочка, появившаяся в доме, так и не смогла заменить ей любимого Антошу. Дошло до того, что как-то раз все находящиеся в квартире услышали доносящийся из кухни истошный детский крик. Побежали туда и увидели жуткую картину: баба Маня, открыв до предела кран с горячей водой, держала под бьющей из него струей ручки годовалой девочки...

После этого вопрос с прабабушкой Маней, так же как и со мной, был решен кардинально.

Пульс сознания

...В санаторий меня принимала врач Вера Николаевна. Отлично помню ее удивленные глаза. О, сколько раз я видел и еще увижу такие же ошеломленные, устремленные на меня взгляды врачей! Заболевание редкое. Я становился диковинкой даже для профессионалов. Правда, мне сложно сейчас понять, почему у Веры Николаевны был тот самый взгляд. Моя физическая аномальность не была тогда так ярко выражена, как теперь, и я почти ничем от своих сверстников не отличался. Впрочем, нет, отличался. Рост у меня прекратился. Но какими бы стали глаза Веры Николаевны, встретить она меня лет через двенадцать, когда я выписывался из санатория?

Мама поставила меня на койку, поддерживала, и я стоял. Стоял на некрепких, хрупких ногах, цепляясь за мамину руку. Кто же думал, что это – момент моего триумфа? Не помню вообще, чтобы после этого или до этого я когда-нибудь стоял на своих ногах. Возможно, это единственный эпизод в моей жизни – последняя возможность, когда еще можно было «законсервировать» мое состояние, не дать заболеванию одержать полную победу. И конечно же, шанс был упущен.

* * *

...Кровать, на которую меня положили «лечиться» в санатории, была высокой, на колесах и с бортиками. Несмотря на изрядную величину колес, крутились они туго, потому что не смазывались с момента выпуска заводом-изготовителем. Такие кровати считались наименее травматичными для лежащих в них маленьких пациентов. Лечение длилось очень долго. Все дети, страдавшие туберкулезом позвоночника, лежали еще и в «гипсовых кроватках». Это – слепок из гипса, который делали так: ребенка клали на живот, а на спину, вместе с головой и ступнями ног, накладывали гипс. Потом этот слепок сушили, и дня через два кроватка была готова. Ребенка клали в нее и привязывали «лифчиком» – фиксирующей повязкой на грудь, чтобы малыш не смог даже слегка пошевелиться и деформировать больной позвоночник. В объятиях таких вот кроваток некоторые дети проводили по нескольку лет.

* * *

...Я не знал, какая жизнь меня здесь ожидает. Глядя на привязанных к гипсовым скорлупкам сверстников, не верилось, что они когда-нибудь смогут бегать и прыгать, лазить по деревьям. Я не знал, как здесь станут лечить мою болезнь, какое будущее ожидает меня после лечения. Вид заживо загипсованных детей пугал. Но выбора мне не предлагали. Я был маленьким, несмышленным заложником своей болезни и рациональной воли родивших меня людей. Они делали для меня все, что было в их силах, но сами ходили в невольниках того странного больного общества, в котором мы тогда жили. Общества, где семья, воспитывающая такого неприспособленного ребенка, как я, сталкивалась с жуткими бытовыми, социальными и финансовыми проблемами, перед которыми оказывались бессильными и родительский инстинкт, и сердечная привязанность. Оказавшись один на один со своей бедой, родители прибегли к крайнему, как казалось тогда, средству – под предлогом лечения меня выдворили из семьи. И хотя речь постоянно шла об учебе, истинные мотивы их действий, как я понимаю, были другие. Врачи им уже объяснили, что умру я рано, лет в двенадцать, и нет смысла нянчиться со мной все эти годы. Будет лучше, если смерть достигнет меня где-нибудь подальше. Покидая дом пятилетним малышом, я чувствовал страх, горечь и пара-